

СИСТЕМНЫЕ ФОНОЛОГО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО (КЕНТСКОГО) ДИАЛЕКТА СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье описываются фонологико-морфологические характеристики среднеанглийского языка, раскрываются специфические особенности морфологии Юго-Восточного (Кентского) диалекта, рассматриваются вопросы варьирования способов выражения морфологических категорий на разных этапах языковой диахронии.

Среднеанглийский язык, диалектное варьирование, языковые изменения в диахронии, способы маркирования морфологических категорий, изменение способов маркирования.

The paper describes phonological and morphological characteristics of the Middle English, specifies its South-East (Kent) dialect morphological peculiarities, considers the issues of dialect varieties of morphological categories at different stages of the language diachrony.

Middle English, dialect varieties, language diachronic changes, ways of marking morphological categories, change of ways of marking.

Название Юго-Восточного (Кентского) диалекта говорит о территории его распространения. Вся юго-восточная область Англии, включая Лондон и графство Эссекс, использовала этот диалект. Во время среднеанглийского периода постепенно он стал отесняться на второй план из-за возвышения Восточно-Мидлэндского диалекта, особенно популярного в Лондоне. К позднесреднеанглийскому периоду район распространения Кентского диалекта значительно сузился и совпал с границами графств Кент и Сассекс. Позднее, когда Лондонский диалект был признан языковым стандартом и зона его влияния расширилась, вбирая близлежащие области, Кентский диалект постепенно стал выходить из употребления.

Изучаемый диалект достаточно интересен для лингвистических исследований. Его отличительные характерные черты были заметны еще в древнеанглийский период. На уровне среднеанглийского диахронического среза морфология Юго-Восточного (Кентского) диалекта отличалась наибольшей степенью консервативности и дольше других диалектов сохраняла флективные парадигмы, близкие к древнеанглийским [1].

Особенности фонологической системы таковы: процесс преломления перед сочетанием «*l* + согл.» происходит не всегда, поэтому в текстах можно найти формы, этимологически восходящие к преломленным формам древнеанглийского периода, типичным для юго-восточных территорий: «*healdan*» > Юго-Восточн. (Кент.) *hald* 'держат'; «*eald*» > Юго-Восточн. (Кент.) *ald* 'старый'. Необходимо отметить изменения гласных и согласных, характерные только для Юго-Восточного (Кентского) диалекта: *a* > *o*: *stān* > *stōn* 'камень'; после *g*, *a* > *wo*, *o* > *wo*: *gan* > *guon* 'ходить', *god* > *guod* 'хороший'; *ēo* > *īo* > *ie* > *ie*: *beoþ* > *byeþ* 'они есть'; *deofol* > *dyevel* 'дьявол'; *eo* > *ō* > *e*: *heorte* > *hōrte* > *herte* 'сердце'; *ea* > *æ* > *a* *eall* > *æll* > *all* 'все'; *y* > *e*: *synn* > *zenne* 'грех'; *s* > *z* *sop* > *zop* 'правда'; удлинение кратких гласных в

открытом слоге в двусложных словах, общее для всех диалектов среднеанглийского языка: *a*, *e*, *o*: *ma-cian* > *maken* 'делать'.

Среди морфологических черт Юго-Восточного (Кентского) диалекта следует выделить флективные формы местоимений и глаголов. К первой группе относятся местоимение 3 лица, ж. р., ед. ч. «она», которое в указанном диалекте имеет форму *hi*, и местоимение 3 лица, мн. ч. «они», которое имеет две флективные формы: в именительном падеже *hi*, *hy* 'они', в дательном/винительном падеже *het*, *ham* 'им, их'. В системе глагола наиболее выделяется суффикс 3 лица, ед. ч., наст. вр. *-eþ*, который маркирует также формы множественного числа в изъявительном и повелительном наклонении, и суффикс причастия наст. вр. *-inde* [5].

Памятники среднеанглийской литературы, написанные на Юго-Восточном (Кентском) диалекте, немногочисленны. Это несколько проповедей, переводы псалмов, стихотворение «О крещении» викария У. Шорехемского (William of Shoreham) и трактат о пороках и добродетелях «Укус совести» («The Auenbite of Inwyt») Д.М. Нортгейтского (Dan Michel of Northgate), написанный в 1340 г. [6]. Исследуемое произведение является переводом с французского языка. Известно, что его автор Д. Мишель был монахом в монастыре святого Ансельма в Кентерберии. В настоящее время рукопись хранится в Британском музее в Лондоне и считается одним из самых известных литературных трудов XIV в., который имеет явно выраженные диалектные фонологико-морфологические признаки Юго-Восточного (Кентского) диалекта.

Морфологический анализ обнаруживает отличительные черты морфологии этого диалекта [3], [4]. Система имени Юго-Восточного (Кентского) диалекта обнаруживает ряд грамматических характеристик, которые отличают этот диалект от остальных среднеанглийских диалектов. Грамматические кате-

гории по своему формообразованию близки к древнеанглийской парадигматике, хотя морфологическая категория рода уже невыделима. Выделяются следующие специфические черты: форма единственного числа часто не имеет флексий: *heaved* 'голова': сущ., ед. ч. от ОЕ «*hēafod*»; *mouþ* 'рот': сущ., ед. ч. от ОЕ «*mūþ*»; *zuelð* 'обжора': сущ., ед. ч. от ОЕ «*teswelg*»; *lif* 'жизнь': сущ., ед. ч. от ОЕ «*līf*»; *wolf* 'волк': сущ., ед. ч. от ОЕ «*wulf*»; *viss* 'рыба': сущ., ед. ч. от ОЕ «*fisc*»; *dong* 'навоз': сущ., ед. ч. от ОЕ «*dung*». Некоторые имена существительные маркированы флексией *-e*: *eyes* 'глаз': сущ., ед. ч. от OF «*eise*»; *mete* 'встреча за столом': сущ., ед. ч. от ОЕ «*mete*»; *drinke* 'питье': сущ., ед. ч. от ОЕ «*drink*»; *beste* 'чудовище': сущ., ед. ч. от OF «*beste*»; *zenne* 'грех': сущ., ед. ч. от ОЕ «*synn*»; *tonge* 'язык': сущ., ед. ч. от ОЕ «*tunge*»; *spekinge* 'речь': сущ., ед. ч. от ОЕ «*spēcan*» + ME «*-ing*»; *miðte* 'власть': сущ., ед. ч. от ОЕ «*meaht, miht*»; *godspelle* 'Евангелие': сущ., ед. ч. от ОЕ «*godspel*». Множественное число образуется с помощью флексии *-es*: *offices* 'функции': сущ., мн. ч. от OF «*office*»; *laudes* 'первая церковная служба': сущ., мн. ч. от Latin «*laudes*»; *glotouns, glotounes, glotuns* 'обжоры': сущ., мн. ч. от OF «*gloton*».

Категория падежа представлена немногочисленными именами существительными в ед. ч. и мн. ч. В трактате найдено только одно имя существительное, употребленное в форме родительного падежа, которое имеет соответствующий маркер: *dyeules* 'дьявола': сущ., ед. ч., род. п. от ОЕ «*dēofol*». Дательный падеж выражен во флексивных формах: *dyeule* 'дьяволу': сущ., ед. ч., дат. п. от ОЕ «*dēofol*»; *manne* 'человек': сущ., ед. ч., дат. п. от ОЕ «*mann*»; *glotoune* 'обжоре': сущ., ед. ч., дат. п. от ОЕ «*gloton*»; *mouþe* 'рту': сущ., ед. ч., дат. п. от ОЕ «*mūþ*». Два имени существительных употреблены в форме множественного числа, дательного падежа: *dyeulen* 'делаем': сущ., мн. ч., дат. п. от ОЕ «*dæ*»; *zennen* 'грехам': сущ., мн. ч., дат. п. от ОЕ «*synn*».

Имя прилагательное в исследуемом тексте в большинстве своем является несклоняемой частью речи: *zeuende* 'седьмой': прилаг., ед. ч. от ОЕ, А «*seofunda*»; *kuēade* 'злой': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*scwēad*»; *ilke* 'тот же самый': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*ilca*»; *fole* 'глупый': прилаг., ед. ч. от OF «*fol*»; *zuych* 'такой': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*swylç*»; *terestre* 'земной': прилаг., ед. ч. от OF «*terestre*»; *grat* 'великий': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*grēat*»; *uol* 'полный': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*full*»; *worþ* 'стоящий, ценный': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*wurþ*»; *dyad* 'мертвый': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*dead*»; *strang* 'сильный': прилаг., ед. ч. от ОЕ «*strang*». Множественное число имен прилагательных маркируется флексией *-e*: *zuyche* 'такие': прилаг., мн. ч. от ОЕ «*swylç*»; *opre* 'другие': прилаг., мн. ч. от ОЕ «*ōþer*»; *great* 'великие': прилаг., мн. ч. от ОЕ «*grēat*». Интересно отметить, что в последних двух случаях изменено написание имени прилагательного в форме множественного числа по сравнению с формой единственного числа. Категория падежа выявлена у двух имен прилагательных: *greate* 'великому': прилаг., ед. ч., дат. п. от ОЕ

«*grēat*»; *opren* 'другим': прилаг., мн. ч., дат. п. от ОЕ «*ōþer*». Имена прилагательные сохраняют несколько маркеров грамматических категорий числа и падежа, несмотря на то, что изучаемый памятник среднеанглийской литературы был написан в 1340 г. [3].

Система местоимений трактата «Укус совести» состоит из нескольких разрядов: личные, притяжательные, указательные, вопросительные и неопределенные местоимения. Разряд личных местоимений представлен наиболее полно: *ich* 'я': мест., личн., 1 лицо, ед. ч., им. п. от ОЕ «*iç*»; *he, ha* 'он': мест., личн., 3 лицо, муж. р., ед. ч., им. п. от ОЕ «*hē*»; *hit* 'оно': мест., личн., 3 лицо, ср. р., ед. ч., им. п. от ОЕ «*hit*»; *hy* 'она': мест., личн., 3 лицо, жен. р., ед. ч., им. п. от ОЕ «*heo*». Приведенные формы личных местоимений показывают, насколько они близки к древнеанглийским местоимениям. Формы множественного числа выявляются у местоимений: *we* 'мы': мест., личн., 1 лицо, мн. ч., им. п. от ОЕ «*wē*»; *hi, hy* 'они': мест., личн., 3 лицо, мн. ч., им. п. от ОЕ «*hīe*». Разряд личных местоимений демонстрирует несколько флексивных форм, по которым определяется грамматическая категория падежа: *me* 'меня/мне': мест., личн., 1 лицо, ед. ч., дат./вин. п. от ОЕ «*mē*»; *hine* 'его': мест., личн., 3 лицо, муж. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ «*hē*»; *him* 'ему': мест., личн., 3 лицо, муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ «*hē*»; *us* 'нас/нам': мест., личн., 1 лицо, мн. ч., вин./дат. п. от ОЕ «*ūs*»; *hise* 'их': мест., личн., 3 лицо, мн. ч., вин. п. от ОЕ «*hīe*».

Группа притяжательных местоимений состоит из одного местоимения: *his* 'его': мест., притяж., 3 лицо, муж./ср. р., ед. ч. от ОЕ «*his*». Указательные местоимения сохраняют древнеанглийскую флексивную парадигму склонения, по флексивным формам которой можно различить грамматические категории рода, числа и падежа: *þan* 'тому': мест., указат., муж./ср. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ «*þām, þām*»; *þane* 'того': мест., указат., муж. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ «*þone*»; *þet* 'тот': мест., указат., ср. р., ед. ч., им. п. от ОЕ «*þæt*»; *þa* 'ту': мест., указат., жен. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ «*þā*»; *þis* 'это': мест., указат., ед. ч. от ОЕ «*þis*»; *þise* 'эти': мест., указат., мн. ч. от ОЕ «*þās*». Неопределенное местоимение *eny* также имеет древнеанглийскую этимологию – ОЕ «*ani*».

Категория артикля, уже почти полностью сформированная в морфологических системах других диалектов, выявляется и в Юго-Восточном (Кентском) диалекте [2]. В первой части исследуемого текста употребляются два артикля: *a, ane* – неопределенный и *þe* – определенный: *ane zeche* 'мешок', *an eyse* 'глаз', *þe zeuende heaved* 'вторая голова', *þe kuēade beste* 'злое чудовище', *þe zenne* 'грех', *þe mouþ* 'рот', *þe mete* 'встреча за столом', *þe drinke* 'питье'. В большинстве случаев неопределенный артикль употреблен в неизменяемой, единой форме *þe*. Но так как отличительной чертой морфологии Юго-Восточного (Кентского) диалекта является его консервативность, то как ее подтверждение следует отметить сохраненные флексивные формы определенного артикля: *þane viss* 'рыбу', *þanne God* 'Господа Бога'.

Наречия в тексте среднеанглийской рукописи в основном имеют маркер *-e*, а не суффикс *-ly*, характерный для маркирования наречий среднеанглийского периода в других диалектах: *onneaþe* < OE «un-*ēaþe*» ‘с трудом’; *moche, mochel* < OE «*muçel*» ‘гораздо больше’; *alsuo* < OE «(e)allswā» ‘также’; *þeruore* < OE «*þār*» ‘тем не менее’; *blepeliche* < OE «*blīðeliçe*» ‘с удовольствием’; *efterþan* < OE «*æfter þām*» ‘после этого’.

Глагол частично сохраняет морфологические маркеры. Наиболее распространенными являются: инфинитив; форма 3 лица, ед. ч., наст. вр.; форма ед. ч., прош. вр., форма причастия прош. вр. и несколько неправильных глаголов. Инфинитив в основном имеет флексию *-e*, так как процессы ослабления гласных неударных слогов и последующее отпадение конечного *-n* коснулись и Юго-Восточного (Кентского) диалекта, несмотря на его консервативность: *wytene* < OE «*witan*» ‘знать’; *paye* < OF «*praeyg*» ‘доставлять удовольствие, угождать’; *rede* < OE «*radan*» ‘читать’. Один глагол французского происхождения имеет флексию *-i*: *astrangli* < OF «*estrangler*» ‘душить’. В изучаемой рукописи встречается лишь один глагол, который лишен флексии: *mis-payþ* < OE «*mis-*» + OF «*praeyg*» ‘не угодить’.

Личные формы глагола представлены формами 1 и 3 лица, ед. ч., наст. вр.: *to-cleue*: глаг., 1 лицо, ед. ч., наст. вр. < OE «*tōclēofan*» ‘(я) разрываюсь на две части’; *belongeb*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < ME «*be-*» + OE «*langian*» ‘принадлежит’; *drinkeþ*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < OE «*drink*» ‘пьет’; *zayþ*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < OE «*secgan*» ‘говорит’; *payeb*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < OF «*praeyg*» ‘доставляет удовольствие’; *onpayþ*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < OE «*un-*» + OF «*praeyg*» ‘не доставляет удовольствия’; *ret*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < OE «*radan*» ‘читает’; *geb*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < OE «*gān*» ‘идет’; *let*: глаг., 3 лицо, ед. ч., наст. вр. < OE «*ladan*» ‘ведет’. Флексивная форма 3 лица, ед. ч., наст. вр. сохраняет флексию *-eþ* в ее древнеанглийской орфографии. В памятнике среднеанглийской литературы наблюдается флексия множественного числа *-eþ*, которая является одной из самых характерных черт южных диалектов в среднеанглийский период: *zigge*: глаг., 3 лицо, мн. ч., наст. вр. < OE «*secgan*» ‘говорят’; *redeþ*: глаг., 3 лицо, мн. ч., наст. вр. < OE «*radan*» ‘читают’; *ledeþ*: глаг., 3 лицо, мн. ч., наст. вр. < OE «*ladan*» ‘ведут’; *eteþ*: глаг., 3 лицо, мн. ч., наст. вр. < OE «*etan*» ‘едят’; *to-cleueþ*: глаг., 3 лицо, мн. ч., наст. вр. < OE «*tōclēofan*» ‘разрываются на части’; *healdeþ*: глаг., 3 лицо, мн. ч., наст. вр. < OE «*h(e)aldan*» ‘держат’; *arizeþ*: глаг., 3 лицо, мн. ч., наст. вр. < OE «*āriſan*» ‘поднимаются’.

Два глагола употреблены в форме прошедшего времени. Формы образованы при помощи дентального суффикса: *zede* ‘сказал’, прош. вр. от OE «*secgan*» и *yaf* ‘дал’, прош. вр. от OE «*ſiēfan*». Найдена одна форма прош. вр., мн. ч.: *adreynten* ‘промокли’, прош. вр., мн. ч. от OE «*ādrepan*». Формы причастия прош. вр. сохраняют префикс $\square e-$ > *y-*, который отличает морфологию глагола южных диалектов: *ypayd* ‘дос-

тавивший удовольствие’, прич., прош. вр. от OF «*praeyg*»; *yueld* ‘упавший’, прич., прош. вр. от OE «*fellan*»; *ymad* ‘сделавший’, прич., прош. вр. от OE «*macian*»; *ydronke* ‘напившийся’, прич., прош. вр. от OE «*drink*».

Подводя итоги по фонологическому анализу текста среднеанглийского периода «Укус совести», следует отметить, что система Юго-Восточного (Кентского) диалекта оказывает сопротивление инновациям среднеанглийского периода на всех уровнях своей самоорганизации. На уровне лексики зафиксировано использование английских сложных слов вместо латинских или французских. Этот факт может быть подтвержден самим названием трактата: «*ayenbite*» дословно переводится как «кусание снова», т.е. «угрызения» и «*inwyt*» – «внутренние знания», что означает «совесть». Даже слово «*amen*» часто переводится как *zuo by hit* ‘пусть будет так’. Так, используя слова родного языка, лексический уровень диалекта противостоит иноязычным заимствованиям.

Орфография нескольких слов отличается от написания этих слов в других диалектах. Возможно, это связано с косвенным подчеркиванием особого произношения, которое характеризовало этот диалект: «*sin*» имеет написание *zenne*, «*father*» – *vader*, «*first*» – *verst*.

Морфологический анализ текста подтверждает консервативность Юго-Восточного (Кентского) диалекта. Морфология имени и глагола сохраняет многие архаичные флексивные формы, восходящие к древнеанглийскому языку. Имена употребляются как без флексий, так и с ними: *lif* ‘жизнь’, *wolf* ‘волк’, *viss* ‘рыба’, *dong* ‘навоз’, *beste* ‘чудовище’, *glotounye* ‘обжорство’, *spekinge* ‘речь’, *miðte* ‘власть’, *ilke* ‘тот же самый’, *fole* ‘глупый’, *zuych* ‘такой’. Парадигматика имени характеризуется грамматическими категориями числа и падежа, которые выражены синтетически. Множественное число, именительный падеж отмечается у имен существительных: *offices* ‘функции’, *laudes* ‘первые церковные службы’, *glotouins* ‘обжоры’. Сохранность грамматической категории падежа подтверждается флексией у имен существительных: ед. ч., род. п. *dyeules* ‘дьявола’; ед. ч., дат. п. *dyeule* ‘дьяволу’, *manne* ‘человеку’, *mouþe* ‘рту’; мн. ч., дат. п. *dyeulen* ‘делаю’, *zennen* ‘грехам’; мн. ч. прилаг. *zuyche* ‘такие’, *opre* ‘другие’, *great* ‘великие’. Входящая в систему имени группа местоимений также имеет специфические, флексивные формы, которые были характерны для древнего периода развития языка: *hi, hy* ‘они’, *hine* ‘его’, *him* ‘ему’, *ham* ‘им’, *hise* ‘их’, *þan* ‘тому’, *þane* ‘того’, *þa* ‘ту’.

Парадигматика глагола свидетельствует о самобытном характере Юго-Восточного (Кентского) диалекта. Присутствует маркер инфинитива *-e*, хотя в других диалектах он давно исчез: *wytene* ‘знать’, *paye* ‘доставлять удовольствие’. Форма 3 л., ед. ч., наст. вр. все еще маркируется *-eþ*, используя древнеанглийскую орфографию: *onpayþ* ‘не доставляет удовольствия’. Глагол в форме причастия прош. вр.

маркируется префиксом *y-*, который также давно исчез в других диалектах: *ypryd* 'доставивший удовольствие', *yield* 'упавший', *ydronke* 'напившийся'. Все эти характерные черты подтверждают факт признания Юго-Восточного (Кентского) диалекта как наиболее консервативного диалекта среднеанглийского периода.

Список литературы

1. Бруннер. К. История английского языка: в 2 т. / К. Бруннер. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
2. Гухман, М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант / М.М. Гухман. – М.: Наука, 1981.

3. Гухман, М.М. Процессы парадигматизации и историческая типология словоизменительных систем германских языков / М.М. Гухман // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. – М., 1972. – С. 39 – 67.

4. Жирмунский, В.М. Общие тенденции фонетического развития германских языков / В.М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1965. – № 1. – С. 3 – 21.

5. Ивашкин, М.П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке / М.П. Ивашкин. – М.: Прометей, 1988.

6. Смирницкий, А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарем: учеб. пособие / А.И. Смирницкий. – М.: Академия ИЦ, 2008.

УДК 802

В.П. Коровушкин

ОСНОВНЫЕ АТРИБУТЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ КАК АВТОНОМНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТРАСЛИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В статье кратко очерчены основные атрибуты лингвоэкологии как автономной отрасли языкознания: история становления, междисциплинарная матрица, терминологическое наименование, научное определение, целевая установка, проблематика и задачи исследования, объектно-предметная область, специфический материал, методология и методика его сбора и анализа, категориально-понятийный и терминологический аппараты, внутридисциплинарная структура.

Лингвоэкология, эколлингвистика, экология языка, этнолингвистика, социоллингвистика, социолектология, социолексикология, социолексикография, арготология, субстандарт, просторечие, лексиконы маргинальных субкультур.

The article contains a brief sketch of the following basic attributes of linguoecology as an autonomous branch of linguistics: the history of its development, its interdisciplinary matrix, terminological designation, scientific definition, aim, problems and tasks, object, subject, specific material and methodology of investigation, its categories, notions, terms, intradisciplinary structure.

Linguoecology, ecolinguistics, ecology of language, ethnoinguistics, sociolinguistics, sociolectology, sociolexicology, sociolexicography, argotology, substandard, nonstandard, lexicons of marginal subcultures.

Современный уровень развития теории языка служит естественной базой для разработки новых научных подходов и направлений, преимущественно в междисциплинарных исследованиях. Это особенно важно в связи с тем, что на лингвистической карте современной науки образовалось «белое пятно», ждущее своих исследователей. Хотя многие авторы [8] – [10], [12], [14], [16] в той или иной мере рассматривали определенные проблемы экологии языка, этот новый лингвоантропологический подход к изучению сосуществования человека и языка еще не получил достаточно полного теоретического оформления. Можно утверждать, что созрела научная потребность для разработки нового направления в языкознании, предварительно обозначаемого терминами «лингвоэкология» или «эколлингвистика», которое заполнило бы эту естественную теоретическую лакуну новой концепцией на малоизученном в лингвоэкологическом аспекте материале, каким является, например, нестандартная лексика и фразеология, в частности, английского и русского языков. В современной науке о языке лингвоэкология находится на

этапе своего формирования, что предполагает разработку ее атрибутов как автономной науки. Все это обусловило выбор темы представляемого в данной статье исследования и его специфику.

Становление лингвоэкологии, или эколлингвистики, происходит на основе обобщения результатов развития языкознания в этой и смежных областях. Поэтому предлагаемая лингвоэкологическая концепция строится на основе переосмысления положений этой междисциплинарной отрасли лингвистики и смежных отраслей знания, зарегистрированных в истории языкознания в качестве персонифицированной теории соответствующих наук.

Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной отрасли языкознания представлены следующими позициями: история становления, междисциплинарная матрица, терминологическое наименование, научное определение, целевая установка, проблематика и задачи исследования, объектно-предметная область, специфический материал, методология и методика его сбора и анализа, категориально-